УДК 304

РЕФОРМА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: МОТИВАЦИЯ, КОНЦЕПЦИЯ И УГРОЗЫ

^{1,2}Либин И., ⁴Кудрявцев М., ²Лебедев Н., ²Либин А., ³Пераса Хорхе Перес, ⁵Сурикова-Камю Л.

¹Университет Моря Системы национальных университетов штата Оахака, Мексика; ²НОУ ВПО Международная Академия оценки и консалтинга, Москва; ³Институт геофизики Национального автономного университета Мексики, Мехико; ⁴Физико-технический институт низких температур НАН Украины, Киев; ⁵Российская академия образования, Москва, e-mail: libin@bk.ru

Академия наук в России создавалась для выполнения важнейших национальных задач и, как правило, в прошлом реформировалась для решения новых национальных задач и вызовов, стоящих перед страной. Благодаря такой роли Академии наук, Россия сделала несколько мощных исторических рывков вперед, без которых само дальнейшее существование России могло быть поставлено под сомнение. Сегодня перед Россией стоит задача восстановить утраченные в последние годы позиции, с которых можно было бы заново приступить к реальной, а не словесной ускоренной модернизации страны. Авторы представляют анализ правительственной реформы РАН и предлагают свое видение необходимых путей реформы.

Ключевые слова: реформа РАН, модернизация РАН, мотивы реформы

REFORM OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: MOTIVATION, CONCEPT AND THREATS

^{1,2}Libin I., ⁴Kudryavtsev M., ²Lebedev N., ²Libin A., ³Peraza Jorge Perez, ⁵Surikova-Camiu L.

¹Sea University of SUNEO, Huatulco, Mexico; ²International Academy of Appraisal and Consulting, Moscow; ³Geophysical Institute of UNAM, Mexico; ⁴Physico-Technical Institute of Low Temperature NAS, Kiev; ⁵Russian Academy of Education, Moscow, e-mail: libin@bk.ru

Academy of Science in Russia was being created for fulfillment of the most important national tasks and as a rule was reformed in the past for solution of new national tasks and appeals which were actual for the country. Due to such role of the Academy of science, Russia made several significant historical breakthroughs without which the same further existence of Russia could be doubtful. Today, Russia faces with the task to rebuild positions which have been lost during the last years, in order to start again real but not verbal accelerated modernization of the country. The authors hereby present analysis of government reform of RAS and offer their view of the required ways of reformation.

Keywords: Reform of RAS, modernization of RAS, motivation of RAS reform

Слабость инновационной активности в российской экономике подтолкнула правительство России к ряду реформ в организации научной сферы, в частности, переносу основного финансирования научной деятельности на Федеральные и Национальные Исследовательские университеты и «пилотные» проекты, приближённые к промышленности: организации инновационной технологической площадки в Сколково, формированию корпорации РОСНАНО, а также к объединению многих институтов, занимающихся ядерной физикой, под управлением «Росатома».

В настоящей работе рассмотрен общий замысел и первые шаги очередного предприятия российского правительства — начатого у 2013 году радикального преобразования Российской академии наук.

Первым замыслом реформы, по утверждению министра образования и науки

Д.В. Ливанова, было отделение функции организации научных исследований от экспертной функции. В советской системе Академия наук пользовалась широкой автономией, сама избирала в свой состав новых членов, а избранный академиками Президиум РАН, включавший выдающихся учёных разных специальностей, составлял программу исследований, назначал директоров академических институтов, распределял финансовые ресурсы и т.д. По замыслу реформы, РАН должна была превратиться в «клуб учёных», отлучённый от прямого управления научной деятельностью и выполнявший чисто экспертную, рекомендательную функцию при новом правительственном агентстве. Последнее же брало на себя основные полномочия по планированию и организации исследований, управлению собственностью, назначению директоров институтов, реорганизации институтов и лабораторий, распределению, финансирования.

В окончательно принятом варианте закона, РАН формально оставляет за собой функцию организации масштабных исследований, однако в условиях переподчинения институтов новому агентству лишена возможности автономных действий: фактически, основной замысел реформы о превращении Академии в «клуб учёных» с минимальными полномочиями, но возможностью неограниченно советовать правительству и агентству по управлению институтами РАН, реализован.

Тем самым, будущее функционирование академической науки в России зависит от целевых ориентиров и принципов работы нового агентства, которое получит власть над институтами системы РАН. Они будут опираться на подзаконные акты и научную политику в области фундаментальных исследований, составленные теперь не выдающимися учёными, а правительственными чиновниками. Какими они будут, зависит от соотношения сил, которое сложится в недрах нового учреждения. Пока что ведущей силой является реформаторская группа министра Д.В.Ливанова, реформаторские принципы которого раскрыты в серии программных статей с его участием [1-3] и подтверждены в ряде выступлений, сопровождавших принятие закона.

Ведущей идеей реформы является глубокая перестройка научной деятельности с ориентацией на максимальную эффективность, причём для измерения эффективности предполагается использовать такие объективные показатели, как количество публикаций в рейтинговых научных журналах, их цитируемость, независимая внешняя оценка, в том числе иностранными экспертами. Вслед за переподчинением институтов РАН правительственному агентству планируется передача части из них ведущим университетам, с вменением исследователям преподавательской деятельности, другой части - отраслевым министерствам и ведомствам, связанным с данной областью знаний. Предполагается, что в оставшихся институтах, подчинённых агентству, отдельные лаборатории приобретут большую независимость и станут основной организационной единицей, непосредственно имеющей дело с агентством. Одновременно будет осуществлён переход от преимущественно сметного финансирования, при котором деньги распределяются между имеющимися научными организациями в соответствии с их штатами и материальными потребностями, к преимущественно грантовому, при котором деньги распределяются между победившими в конкурсах научно-исследовательскими проектами и коллективами. Исследователи преклонного возраста будут поощряться к скорейшему выходу на пенсию, чтобы создать вакансии для идущей в науку молодёжи.

1. Верны ли целевые ориентиры реформы? Самая серьёзная критика реформы связана с теми индикаторами, которые выбраны реформаторами для критики научной результативности РАН в её нынешнем виде и, судя по всему, будут использоваться управляющим агентством для оценки своих успехов и выбора приоритетных направлений научных исследований и финансирования. Речь идёт об опоре на библиометрические показатели и привлечении независимой внешней экспертизы, включая иностранную.

Односторонняя ориентация идеологов реформы хорошо видна из процитированных программных документов. Например, критикуя РАН, авторы с самого начала задались единственными критериями - публикационной активностью и цитируемостью, констатировали тяжёлое положение науки по этим критериям и сразу перешли к теме, как улучшить положение по ним. Улучшить положение предлагается закрытием «слабых» институтов и лабораторий, не вписывающихся в рамки конкурентоспособности на международном уровне по публикациям-цитируемости или, на худой конец, по внешнему аудиту с последующей ориентацией конкурентоспособной части науки на эти показатели.

Надо сказать, что принятие этих целевых ориентиров является неизбежным следствием перевода управления наукой от совета выдающихся учёных к ненаучной бюрократии. Выдающийся учёный - специалист в ряде областей, который способен ставить задачи по дальнейшему поиску, опираясь на внутринаучные и зачастую интуитивные критерии. Достаточно вспомнить, например, проблемы Гильберта или Пуанкаре. Чиновник правительственного агентства, распределяющий средства между направлениями исследований, просто не имеет права исходить из своих вкусов и будет пытаться найти для себя объективные показатели. Однако наука неформализуема, и самые важные цели научного поиска не могут быть вычислены из объективных формальных показателей по установленному алгоритму: ведь алгоритм этот окажется основан на предыдущем, устаревающем

Критики реформы отмечают, что количество публикаций и цитируемость, хотя и служат важными вспомогательными по-казателями в научном менеджменте, сами

по себе не являются показателем качества научного исследователя и исследования даже в одной и той же области [8-10]. Выдающийся учёный может издать только одну-две «прорывные» работы, которые по несколько лет останутся незамеченными и после короткого всплеска цитируемости станут классикой, на которую уже будет не принято ссылаться [4]. В свою очередь, рядовая работа, отвечающая неглубокой, но «модной» тематике, немедленно получит высокое число цитирований, хотя куда важнее было бы направить силы на другое направление поиска. Дополнительную неустойчивость оценке научной работы по библиометрическим показателям придало то, что из-за стимулирования учёных больше публиковаться и цитироваться сама система стала «подстраиваться» под эти показатели: пошёл вал торопливых публикаций менее значимых результатов в самой простой области, взаимного цитирования, раздувания числа соавторов. В последнее время понимание ограниченности библиометрических показателей зреет и за рубежом: проходивший в 2006 г. в Испании всемирный конгресс математиков принял заявление, что индекс цитирования дает искаженное представление и о научном вкладе, и о научной известности [7].

При сравнении же разных областей библиометрические показатели дают ещё больший сбой: совершенно нормально и то, что в разных областях средний исследователь публикуется с разной скоростью, и то, что в разных областях средняя работа получает разное число цитирований. Таким образом, библиометрические показатели вообще не помогают в глобальном управлении научными исследованиями — не позволяют выбрать приоритетные направления исследований, планировать распределение ресурсов между ними, закрывать и открывать научные проекты и организации.

В конечном счёте, только компетентный специалист, который сам является выдающимся учёным, может оценить уровень исследователя по его работам, составить программу исследований и расставить приоритеты научных проектов. Ни один формальный показатель, на который может опираться околонаучная бюрократия, такой роли не играет. Пожалуй, единственная польза от библиометрических показателей – стимулирование исследователей на низовом уровне: необходимость выпускать статьи с определённой частотой заставит научного работника не сидеть, сложа руки, и получать результаты; требование публиковаться в престижных журналах заставит его получать результаты достаточно высокого уровня; требование цитируемости заставит его улучшать изложение и стремиться к коммуникации с коллегами. Наконец, библиометрические показатели дают при необходимости руководству конкретной организации формальный повод для увольнения явного бездельника. Однако границы и целесообразность применения библиометрических показателей даже на индивидуальном уровне должен определять компетентный руководитель данного научного работника, знающий реальную цену его компетенции, заслугам и продуктивности.

Однако было бы неправильно ставить целевые ориентиры для фундаментальных исследований в России, только исходя из внутринаучных критериев, которые опираются на качество полученного результата. Функции академической науки в России не исчерпываются фундаментальными исследованиями только ради получения знаний мирового уровня - приоритетной целью, поставленной идеологами реформы. Они включают повсеместное научное сопровождение жизни огромной страны в самых разных областях, экспертизу принимаемых решений, предупреждение о возможных угрозах, прикладные научные исследования по заказу государства и бизнеса, содействие высшему образованию, просвещение населения и многое другое. Выполнение этих функций требует ориентации не только и не столько на мировой уровень получаемых научных результатов, сколько на широту спектра научных исследований и покрытия ими всех значимых для страны тем, внимания к специфическим российским проблемам и объектам, неинтересным для науки остальных стран, сотрудничества с вузами, участия в просветительских программах и многое другое.

Пожалуй, из всех этих необходимых функций только одна – содействие высшему образованию - как-то учтена в проекте реформы, и то предложено крайне топорное решение - передача целых институтов в подчинение университетам, хотя и сейчас исследователи институтов преподают в вузах на принципах совместительства. В остальных же случаях реализация реформы, скорее всего, только ухудшит выполнение вненаучных функций РАН. Например, могут быть закрыты исследования по критически важным для России, но неинтересным и неактуальным на Западе, направлениям, поскольку они не наберут необходимого числа цитирований и не пройдут независимую зарубежную экспертизу. Вот как эту проблему формулирует в своём докладе С. Кара-Мурза [5]:

«Следующее принципиальное положение в доктрине реформирования науки сво-

дилось к тому, чтобы поддерживать лишь блестящие и престижные научные школы. Предполагалось, что конкуренция сохранит и укрепит лишь те направления, в которых отечественные ученые работают «на мировом уровне». Таким образом, фронт работ резко сократится, и за счет высвобожденных средств можно будет финансировать реформу в науке. В «Концепции реформирования российской науки на период 1998-2000 гг.» сказано: «Основная задача ближайших лет — обеспечение необходимых условий для сохранения и развития наиболее продуктивной части российской науки».

Знание и здравый смысл говорят, что само это представление о задачах науки ложно. Причем здесь «мировой уровень»? Посредственная и даже невзрачная лаборатория, обеспечивающая хотя бы на минимальном уровне какую-то жизненно необходимую для безопасности страны сферу деятельности (как, например, Гидрометеослужба), гораздо важнее престижной и даже блестящей лаборатории, не связанной так непосредственно с критическими потребностями страны. Пожертвовать посредственными лабораториями, чтобы за счет их ресурсов укрепить блестящие, в ряде случаев равноценно вредительству - особенно в условиях кризиса. До последнего времени эта установка не пересмотрена».

Только покрытие фундаментальными исследованиями всего спектра критически важных для России исследовательских направлений позволит обеспечить научное сопровождение жизни страны. Страна не сможет в критическом случае «импортировать» нужную экспертизу, если не будет иметь знающих специалистов в каждой области.

При этом специалисты в каждой области, вообще говоря, не обязательно должны быть мирового уровня и публиковаться в западных журналах. Иногда хватит и заурядного исследователя, который сам получает второсортные результаты невысокими темпами, как-то сотрудничает с передовыми зарубежными коллегами и благодаря этому способен в случае нужды понять первосортные результаты науки западной. Если же говорить о таких важных функция науки, как экспертиза или популяризация знаний, то зачастую от приглашённого эксперта требуется не глубина знаний, а широта кругозора, т.е. нужен не учёный с мировым именем и не лауреат Нобелевской премии, а просто хороший специалист со здравым смыслом, по духу талантливый популяризатор или автор учебников.

Таким образом, отсутствие системности в анализе, отказ с самого начала по-

смотреть на роль науки на более высоком уровне, с точки зрения потребностей всей страны, прежде чем анализировать положение внутри науки, сыграли с авторами злую шутку (если только они не преднамеренно вредительствуют). Критерии, которые они предлагают, не измеряют эффективность выполнения наукой своих функций! Они неправомерно приняли как универсальные тезисы «больше публикаций – больше пользы» и «выше цитируемость в международных журналах - лучше исследование», и теперь вместо функции «польза для России» исследуют аргументы «публикации» и цитируемость, делая его целевым показателем.

Парадоксальным образом, высшая государственная власть России, до мозга костей проникнутая экономицизмом и стремлению к эффективности, приняла программу реформы, которая категорически противоречит экономическому подходу. Казалось бы, перевод научных исследований на целевые ориентиры эффективности повысит отдачу науки. Но, во-первых, экономические задачи не ставятся только с целевым ориентиром эффективности: всегда в явной или неявной форме подразумеваются какие-то ограничения (как, например, в задаче оптимального планирования). Необходимость научного сопровождения всех критических сфер жизни страны, предупреждения об угрозах, поддержания широкого спектра исследований, просвещения задаёт те самые, внешние для чистой науки, ограничения, которые не позволяют сосредоточиться только на эффективности имеющейся науки. А во-вторых, даже если не рассматривать проблему ограничений, то выбранные реформаторами индикаторы эффективности, опирающиеся на библиометрические показатели и внешнюю экспертизу, абсолютно нерелевантны как с точки зрения внутринаучных критериев ценности результата, так и с точки зрения ценности данного исследования для задач, стоящих перед Россией.

Замыслу реформы недостаёт научнотехнического и экономического обоснования. Он основан на неверных представлениях о функциях науки, неправильно выбранных целях и неудачных критериях. «На выходе» реформы, если она пройдёт по задуманному идеологами сценарию, в самом деле, останется много конкурирующих «маленьких и шустрых» научных организмов, более или менее эффективных по тем меркам, который задали авторы реформ. (Хотя в ходе реформы неизбежной жертвой падут некоторые научные школы, появятся новые группы мирового уровня.) Тем не менее, соответствия интересам России в части выполнения фундаментальной наукой своих функций у такой эффективности может оказаться меньше, чем было бы при сохранении существующей системы. «Эффективные» научные коллективы будут хранить только часть необходимого России спектра фундаментальных знаний.

2. Спор о библиометрической эффективности РАН

Идеологи реформы оправдали необходимость коренной реорганизации РАН тем, что она была недостаточно продуктивна с точки зрения числа публикаций по сравнению с другими формами научной организации – университетской наукой в России либо зарубежными научно-исследовательскими центрами. Ещё до старта реформы в 2013 году эти доводы были подробно изучены и протестированы. Основной разбора работы авторов с цифрами проведён в материалах [7-11]. Показано, что приводимые идеологами реформы данные, якобы вскрывающие падающую производительность РАН относительно вкладываемых в неё ресурсов, а также её неэффективность по сравнению с вузовской наукой России и иностранными научными организациями, недостоверны или неполны, не раскрывают истинной картины, некоторые данные не содержат пояснений по методике получения, а выводы прямо противоречат действительности.

Так, вопреки данным авторов, по числу публикаций и цитирований на вложенный доллар по паритету покупательной способности РАН находится на одном из первых мест среди сравнимых организаций в мире, а цитируемость публикаций РАН растёт быстрее, чем у российской науки в среднем. Использованные авторами данные о стоимости публикаций, якобы демонстрирующие деградацию РАН по сравнению с вузовской наукой, составлены некорректно: например, не учтено, что во многих публикациях сотрудникам РАН, работающим также в вузах, было выгодно (из-за действующей системы грантов) указывать только место работы в вузах и т.д. Игнорируется разный научный уровень публикаций, подготовленных в академической науке и университетах (в советской организации научный уровень академической науки исторически сложился как более высокий по сравнению с университетской из-за большой загруженности работников университета преподавательской работой, при этом университетские исследователи в среднем чаще публикуются в журналах более низкого уровня). Таким образом, простое сравнение результативности академической и университетской науки по количеству публикаций некорректно.

Мало того, руководимые нынешним костяком Министерства управленческие науки и исследования в Федеральных и научноисследовательских университетах требуют намного большего финансирования одной публикации, но именно на эти принципы организации реформаторы планируют перевести значительную часть академической науки.

К сожалению, сами инициаторы реформы не дали обстоятельного ответа на прозвучавшую критику, а разоблачённые ещё 2010-2011 гг. манера работы с данными и их трактовка воспроизводятся в нынешней аргументации сторонников реформы, включая докладную записку министра образования и науки [6].

Вообще же, высокая результативность РАН именно по библиометрическим показателям, которые не были ведущими в её целеполагании, является отдельным парадоксом, заслуживающим дополнительного разбора. Казалось бы, грантовая система финансирования фундаментальных следований, поощряющая количество публикаций и цитируемость, должна давать наибольшую отдачу по этим показателям. Почему же это не так? По-видимому, именно «волюнтаристское» принятие программы исследований ведущими специалистами с опорой на внутринаучные и неформализуемые критерии важности той или иной темы, малая бюрократизация сметного финансирования по сравнению с грантовым, то есть сниженная нагрузка по отчётности и общению с околонаучными чиновниками, необязательность преподавательской работы для исследователей – все эти факторы, присущие именно «советской» организации РАН обусловливают более низкую себестоимость публикаций и ценного научного результата, чем в других формах организации.

В этом плане уместно проанализировать слова Ливанова о необходимости разделить функции экспертизы, распределения финансов и реализации научных исследователей. Казалось бы, соединение всех функций в лице РАН создаёт почву для злоупотреблений. Но так ли они велики, чтобы жертвовать преимуществами, которые даёт объединение функций? Линия министра просто следует шаблону, в рамках которого решаются задачи в других областях, не учитывает специфики фундаментальных исследований. Если посмотреть, например, на судебную ветвь власти, то она, получая от других ветвей власти финансирование, тоже достаточно автономна, «сама себе отчитывается» и не выполняет напрямую распоряжений других ветвей власти. В рамках логики Ливанова, стоило бы и судебную власть законодательно лишить автономии и заставить отчитываться перед исполнительной властью. Но раз мы признаём, что для судебной власти такое прямое подчинение не нужно, то должны признать что-то похожее и для «научной ветви власти», которой во многом является РАН: внутренних механизмов самоочистки в науке пока достаточно для поддержания добросовестности в РАН на приемлемом уровне, ликвидация её автономии не нужна.

3. Возможные последствия реформы

Несмотря на крайнюю уязвимость концепции реформы РАН и её целевых ориентиров, закон о реформе был в сжатые сроки принят парламентом и одобрен президентом. Дальнейшая судьба академической науки в России будет зависеть от того, насколько удастся научному сообществу перенаправить деятельность управляющего им агентства с губительных программных установок реформаторов в русло здравого смысла. Но уже сейчас можно подвести первые уроки противостояния и спрогнозировать возможные последствия.

В целом, обсуждение и принятие законопроекта стало показателем общей незрелости госуправления и общественной мысли России. Провал запоздалых попыток остановить реформу уже после объявления о ней закономерен. Реформа РАН была неизбежна ввиду несопоставимости сил «за» и «против» реформы, ввиду поддержки реформы верховной властью. Никакие протесты исследователей РАН не могли за два с половиной месяца, прошедшие между обнародованием законопроекта и принятием закона, отменить много лет готовившуюся операцию по перестройке науки на западный манер. Ибо операция включала подготовку серьёзного «теоретического обоснования» в виде целой серии статей и выступлений экспертов, пусть даже несостоятельных и разоблачённых, разворот общественного мнения среди влиятельных слоёв к выгодному реформатором пониманию функций науки, подготовку чиновничества к восприятию «общепринятых» библиометрических индикаторов эффективности науки как единственно возможных, расстановку «своих людей» на ключевых должностях в госаппарате и многое другое. В этих условиях Академия наук не смогла выдвинуть достаточно убедительные возражения, предложить альтернативную целостную концепцию, другую программу комплексреформирования научной в России. Она не имела «своих людей» в госаппарате, не подготовила пирамиду упрощённых объяснений своей правоты для публики разного уровня, вынуждена была

действовать в ситуации искажённых представлений о функциях науки и о мерилах её успеха. Большинство выступлений учёных носило откровенно эмоциональный и иррациональный характер, а глубокие концептуальные замечания, касающихся самого замысла реформы, незаметно тонули в информационном потоке.

Вместе с тем, в начинающемся долгосрочном противостоянии, на фоне которого будет реализовываться принятый закон, будущее не предопределено. Некорректное принятие закона разбудило и силы артикулированного сопротивления, которое будет выражаться в попытках торпедировать каждое конкретное действие, реализующее замысел реформы. Внушает надежды пока не закреплённая законодательно договорённость оставить управление научной деятельностью институтов за РАН и поручить агентству только хозяйственную часть, но практическая возможность такого разделения непонятна.

Наиболее вероятен сценарий, когда основной замысел реформирования начнёт постепенно реализовываться там, где это проще всего сделать ввиду отсутствия сопротивления, с учётом наиболее очевидных и бесспорных поправок оппонентов реформы. Передовые и успешные научные организации будут как-то интегрированы с университетами или сами приобретут статус учебных заведений, очевидно отсталые успеют сбежать под сень отраслевых министерств либо будут ликвидированы без явно видимого ущерба. Все «промежуточные» случаи будут отложены до тех пор, пока не прояснятся уроки «крайних» случаев: тамошнее противостояние сразу переломить не удастся. А через несколько лет, после прояснения промежуточных итогов, в реформу будут внесены дополнительные коррективы.

Основная опасность, по нашему мнению, состоит в том, что крах академической реформы вообще не будет замечен и осознан ввиду одержимости оценщиков индикаторами, связанными с затратами, публикациями, цитируемостью и рейтингом вузов. В этих показателях (с точки зрения всей страны экстенсивных) наука и образование в России будут очень и очень успешны. Министерство выполнит или почти выполнит «майский» указ В.В.Путина 2012 г. «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки. В частности, с большой вероятностью удастся приблизиться к следующим целевым показателям:

• «вхождение к 2020 году не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов; <...>

- увеличение к 2018 году общего объёма финансирования государственных научных фондов до 25 млрд. рублей;
- увеличение к 2015 году внутренних затрат на исследования и разработки до 1,77 процента внутреннего валового продукта с увеличением доли образовательных учреждений высшего профессионального образования в таких затратах до 11,4 процента;
- увеличение к 2015 году доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (WEB of Science), до 2,44 процента».

Но одновременно с этими успехами руководство страны не без удивления обнаружит, что рабочая сила, выходящая из первой пятёрки российских вузов, оставляет желать лучшего, что фундаментальных научных прорывов больше не стало, что прикладные НИОКР в стране очень дорогие и малорезультативные, что организовать разрозненные исследовательские группы для реализации жизненно важного для страны прикладного междисциплинарного мегапроекта в новой области не получается, что от замечательных учёных с высоким индексом цитируемости мало толку при привлечении их к экспертизе в приземлённой области или к популяризации актуальных знаний. Например, по-любому сорваны будут задачи экономического развития, подобные поставленным в другом майском указе - «О долгосрочной государственной экономической политике» - «увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте к 2018 году в 1,3 раза относительно уровня 2011 года; увеличение производительности к 2018 году в 1,5 раза относительно уровня 2011 года».

Трудно сказать, как быстро будет понято, что важная причина неудач – именно в системе организации науки, в изначально неправильно поставленных перед Министерством целях: ведь по «общепризнанным», модным во всём мире меркам, взятым на вооружение госаппаратом, образование и наука могут значительно продвинуться вперёд. Здесь потребуется немалая рефлексия и сложный анализ. Россия сегодня опять на распутье, но потенциал науки в России велик и будет востребован. Чиновники (какой бы пост они не занимали в стране) приходят и уходят (даже если и сидят на своей должности по нескольку сроков). Академия остается.

«Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесёт в море береговой Утёс, меньше станет Европа, и так же, если смоет край мыса или разрушит Замок твой или друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе» (Эрнст Хэмингуэй, 1940 год).

Список литературы

- 1. Гуриев С., Ливанов Д., Северинов К. Шесть мифов Академии наук [Электронный ресурс] // Эксперт. URL: http://expert.ru/expert/2009/48/6mifov_akademii_nauk/ (дата обращения 12.09.13).
- 2. Гуриев С.. Нужна ли реформа российской академической науки? [Электронный ресурс] // Сноб. 2010. URL: http://www.snob.ru/profile/5350/blog/18845 (дата обращения 12.09.13).
- 3. Гельфанд М., Ливанов Д. Верните действенность науке [Электронный ресурс] // Эксперт. — URL: http://expert.ru/ expert/2011/38/vernite-dejstvennost-nauke/ (дата обращения 12.09.13).
- 4. Кара-Мурза С. Проблемы организации научных исследований: Монография / С.Г. Кара-Мурза. М.: Наука, 1981 205 с
- 5. Кара-Мурза С. 2013 Состояние и перспективы реформирования российской науки [Электронный ресурс] // http://problemanalysis.ru/doklad/2013/ZUP_doklad1.pdf (дата обращения 12.09.13).
- 6. Ливанов Д. Записка для СМИ [Электронный ресурс] // Slon. URL: http://slon.ru/images/infographix/voynarovskiy/20130702%20livanov/zapiska.doc
- 7. Осипов Г., Попков Ю. Мифы и реалии РАН [Электронный ресурс] // Polit.ru. URL: http://www.polit.ru/article/2010/08/27/ran/ (дата обращения 12.09.13).
- 8. Кулешов А. Случай так называемого вранья [Электронный ресурс] // TRV-Science. URL: http://trv-science.ru/2011/10/25/sluchajj-tak-nazyvaemogo-vranya/
- 9. Кулешов А. Не нужно революций [Электронный ресурс]. // Эксперт. URL: http://expert.ru/expert/2011/45/nenuzhno-revolyutsij/ (дата обращения 12.09.13).
- 10. Кулешов А. Профессионалы не требуются [Электронный ресурс] // Эксперт. URL: http://expert.ru/expert/2013/21/professionalyi-ne-trebuyutsya/ (дата обращения 12.09.13).
- 11. Шульгина И.В. Российская Академия наук в зеркале федеральной статистики науки // Вестник РАН М.: 2010. Т. 80, № 7. С. 78-90.